

Андрей Ганин

ОТ РАБОТНИКА РЕГИСТРУПРА РККА ДО ОФИЦЕРА ПАРАГВАЙСКОЙ АРМИИ: СУДЬБА НАЧАЛЬНИКА СОВЕТСКОЙ АГЕНТУРНОЙ РАЗВЕДКИ В. А. СРЫВАЛИНА

АННОТАЦИЯ

В статье¹ впервые проанализирована жизнь и деятельность офицера русской армии В.А. Срывалина, оказавшегося в Гражданскую войну во главе советской агентурной разведки. В 1919 г. Срывалин дезертировал из Красной армии и перешел на сторону белых. Во время расследования обстоятельств его перехода белыми он сумел ввести следствие в заблуждение относительно вынужденного характера своей службы у красных, а также в отношении занимаемых должностей, причем скрыл факты своей работы на ответственных постах в руководстве советской военной разведки. Белая контрразведка не смогла разоблачить Срывалина, упустив столь ценный источник информации. Позднее Срывалин оказался в эмиграции в Польше, а затем переехал в Парагвай. На новом месте он поступил на службу в парагвайскую армию и прекрасно проявил себя во время Чакской войны (1932-1935).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Гражданская война в России; советская военная разведка; военные специалисты; В.А. Срывалин; русская военная эмиграция; Парагвай.

ЖИЗМЕННЫЕ ЛИНИИ русских офицеров эпохи Гражданской войны порой причудливы. Далеко не все носители офицерских погон, участвовавшие в той войне, оставались на всем ее протяжении на одном месте. Некоторые успели послужить в каждом из противоборствующих лагерей. Нередко смены сторон не были случайностью, а происходили осознанно по причинам, которые требуют изучения. Не менее интересны и послевоенные судьбы офицеров: одни использовали репутационный ка-

питал, приобретенный в годы войны, другим пришлось начинать на чужбине с нуля.

В этой статье будет впервые подробно рассказано о необычной судьбе офицера русской и парагвайской армий и военного специалиста РККА В.А. Срывалина. Биография офицера русской армии Срывалина прежде никак не соотносилась с биографиями военспеца РККА и офицера-эмигранта в Парагвае с той же фамилией, как будто речь шла о трех разных офицерах². Действительно, сведения об этом человеке немногочисленны. Часть из них удалось установить в российских архивах, другую предоставили потомки Срывалина из Парагвая, благодаря чему достоянием исторической науки стали прежде неизвестные детали биографии офицера, в том числе его судьба в эмиграции и дата смерти.

Владимир Андреевич Срывалин родился 1 мая 1888 г. в семье инженера путей сообщения Андрея Срывалина и Александры Олдстерн, происходил из мещан Московской губернии. В документах парагвайской полиции указано, что он родился в Томашуве в Польше³. Окончил Тверское кавалерийское училище в 1909 г. и при выпуске 6 августа того же года был произведен в корнеты. Чин поручика получил в 1912 г.

В.А. Срывалин. Архив семьи Срывалиных. Фото публикуется впервые

Срывалин принимал участие в Первой мировой войне в рядах 1-го Лейб-драгунского Московского полка, дослужившись до штабс-ротмистра (с 23 апреля 1916 г.)⁴. 23 и 25 ноября 1914 г. у Фридрихсвальде и Куткунена дважды контужен, за боевые отличия в делах против германцев награжден в 1914 г. орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

Как одного из лучших полковых офицеров Срывалина в начале 1917 г. направили на ускоренные курсы 2-й очереди Николаевской военной академии

в Петрограде. Учился он средне, при окончании младшего класса в мае 1917 г. оказался лишь сто тридцать седьмым (средний балл 10,53) из 233 выпускников⁵. Службу в старой армии завершил исполняющим должность старшего адъютанта штаба 4-й кавалерийской дивизии, получив это назначение по окончании младшего класса ускоренных курсов.

При выпуске из старшего класса академических курсов в марте 1918 г. Срывалин вместе со своими товарищами по выпуску поступил на службу в зарождавшуюся Красную армию в качестве военного специалиста. В составе группы выпускников курсов был направлен в штаб бывшего полковника И.Г. Пехливанова⁶, отряды под руководством которого обороняли от немцев подступы к Петрограду со стороны Пскова⁷. В этом штабе с 18 марта 1918 г. вместе с другим курсовиком, Б.Ф. Черниговским-Соколом, Срывалин занимал должность для поручений⁸.

23 марта 1918 г. выпускники курсов были причислены к Генеральному штабу, а 27 июня приказом по Всероссийскому главному штабу № 18 переведены в Генштаб. В это время Срывалин служил в прежней должности в штабе военного руководителя Новгородского участка завесы.

Позднее военспец занял должность делопроизводителя при инспекторе формирований 2-й инспекции Северного участка отрядов завесы И.Г. Пехливанове⁹. Инспектора назначались на несколько дивизий и обладали правами корпусных командиров, осуществляли общее руководство и контроль над формированием дивизий. Не менее двух раз в месяц, а, возможно, чаще, они должны были проверять лично на местах ход формирования и давать необходимые разъяснения и указания, быть в курсе оперативных задач. Начальники дивизий обязаны были предоставлять им донесения по формированию войск, а также оперативные и разведывательные сводки.

В начале сентября 1918 г. Срывалин получил назначение в Наркомат по военным делам и уехал в Москву. В столице он занял должность помощника консультанта оперативного отдела Наркомата по военным делам¹⁰. Сначала В.А. Срывалин и его товарищ по выпуску Г.Я. Кутырев служили в отделении связи, а затем, с 24 октября 1918 г., были переведены консультантами в разведывательное отделение¹¹. Затем Кутырев возглавил агентурное отделение, а Срывалин стал его помощником¹². В дальнейшем Срывалин возглавил агентурное отделение агентурного отдела Регистрационного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики и стал начальником 1-го отделения 1-го отдела Регистрационного управления.

Срывалин являлся одним из первых руководителей агентурной работы советской военной разведки. Известен его подробный доклад от 19 февраля 1919 г. о том тяжелом состоянии, в котором агентурная разведка находилась в первый год своего существования¹³. Резолюция неустановленного лица (предположительно начальника 1-го отдела Г.Я. Кутырева) на документе была неутешительна: «*Картина безотрадная. Вызвана полнейшей изоляцией от работы лиц, даже пользующихся доверием (Теодори, Срывалин, Кутырев и т.д.); вся вербовка [проходит] на глазах самих же агентов, из коих были шантажисты: следовательно,*

все мы давно сняты и сфотографированы. Доклады специалистов на учет не принимаются: им отводится "почетная роль" истребования денег, продовольствия и т.д., на что генштабисты не нужны»¹⁴. Однако, как показала дальнейшая судьба военспеца, даже если белое командование имело сведения о руководителях советской агентурной разведки, воспользоваться ими оно не смогло.

Военспец принадлежал к той группе выпускников ускоренных курсов Военной академии (выпуск 2-й очереди), которые в советских условиях смогли создать свое неформальное объединение, нацеленное на взаимопомощь в служебных и иных вопросах¹⁵. В числе других бывших однокашников в феврале 1919 г. Срывалин ходатайствовал об освобождении из-под ареста бывшего генерала В.И. Селивачева¹⁶, а в конце марта 1919 г. подписал коллективное ходатайство за арестованных однокашников, бывших капитанов Г.И. Теодори и В.В. Хрулёва¹⁷. Таким образом, он неоднократно выступал активным противником арестов известных ему военспецов и поддерживал коллективные акции молодых курсовиков.

Поддержал Срывалин и борьбу неформального лидера их выпуска Г.И. Теодори против руководителей Особого отдела ВЧК¹⁸. Однако эта борьба завершилась не в пользу курсовиков. Теодори арестовали, затем подверглись арестам и некоторые другие представители выпуска. Из окончивших курсы 2-й очереди в различные периоды 1919 г. были арестованы: В.Л. Баранович, Ю.И. Григорьев, Н.Н. Доможиров, Г.С. Дьяков, Н.Я. Забегалов, В.Г. Зиверт, Е.И. Исаев, Б.И. Кузнецов, Г.Я. Кутырев, А.К. Малышев, И.Д. Моденов, А.П. Панкратьев, С.Г. Плюто, И.Н. Полковников, П.П. Слицкоухов, В.Е. Стасевич, В.И. Тарасов, Г.И. Теодори, В.В. Трофимов, В.В. Хрулёв, И.Д. Чинтулов. По беспокоившей партийное руководство неформальной группировке молодых военспецов в советских штабах был нанесен сильный удар.

Усиление репрессивной политики в отношении выпуска, по всей видимости, стало одной из причин массового дезертирства взволнованных своей судьбой курсовиков из Красной армии в 1919 г. Не стал исключением и Срывалин. В течение года (в том числе и в период до начала репрессий в отношении этой группы) из РККА дезертировали не менее 23 представителей выпуска из 101, служившего в РККА на начало 1919 г., или 22,8% (С.А. Андросов, Л.С. Безладнов, В.В. Белецкий, И.Р. Гетманцев, Ф.Н. Гришин, Х.В. Гуртовенко, Н.Н. Долинский, Н.И. Дроздовский, А.Д. Загребин, А.М. Кныш, Б.П. Лапшин, М.А. Михайлов, Н.А. Никольский, В.З. Полюшкин, А.С. Ролько, П.А. Сверчков, Н.И. Сластинок-Сластенко, В.А. Срывалин, Р.Е. Стокальский, В.Ф. Тарасов, К.С. Хитрово, И.А. Хрыпов, Б.Ф. Черниговский-Сокол).

В первой половине 1919 г. Срывалин находился в распоряжении начальника штаба Западного фронта, состоял для поручений при начальнике штаба Южного фронта¹⁹, временно исполнял должность инспектора кавалерии группы войск Сумского направления. С 28 июля 1919 г. состоял в той же должности в 41-й стрелковой дивизии, преобразованной 19 июля из группы войск Сумского направления²⁰. В августе 1919 г., будучи командирован из дивизии в распоряжение инспектора кавалерии 14-й армии, к месту назначения

не прибыл и считался пропавшим без вести при оставлении красными Украины²¹. Особый отдел 14-й армии не смог его разыскать.

Но Срывалин не пропал без вести, а бежал к белым. В ноябре 1919 г. он уже числился перебежавшим к противнику²². Мотивы, толкнувшие его на дезертирство из РККА, неизвестны. Возможно, свою роль действительно сыграли массовые аресты однокашников.

Интересно, что полтора месяцами ранее, 22 июня 1919 г., при отступлении от Екатеринослава пропал без вести состоявший для поручений при командующем 14-й армией товарищ Срывалина по службе и по академии бывший капитан Б.Ф. Черниговский-Сokol²³, позднее также оказавшийся у белых.

Обнаружение следственного дела в отношении Срывалина, заведенного белыми, позволило лучше понять мотивы офицера. Дело под № 1180 было начато в августе (по старому стилю) 1919 г. Харьковской судебно-следственной комиссией и заняло 21 лист. На титуле дела указано — «приостановлено». В деле оказались подшиты как служебные и личные документы Срывалина, так и материалы расследования. Среди прочего имеется подтверждавшее личность офицера удостоверение, полученное им при выпуске из Военной академии 12 марта 1918 г., и другие документы²⁴.

17 (30) августа 1919 г. существовавшая при штабе Добровольческой армии Особая офицерская комиссия для проверки офицеров, военных врачей и чиновников, прибывающих из Советской России, рассмотрела дело перебежчика. В постановлении комиссии, предназначавшемся для внесения в послужной список офицера, отмечалось, что «*означенный офицер документы, удостоверяющие его воинское звание и чин, представил, на службе у большевиков состоял со времени окончания Военной академии в должности начальника связи Полевого штаба в гор. Москве*»²⁵. Таким образом, Срывалин ввел комиссию в заблуждение относительно своей реальной службы в Красной армии.

Тем же числом датирован опросный лист, который заполняли поступающие на службу в Добровольческую армию. В нем опрашиваемый также погрешил против истины, пытаясь приуменьшить свою роль в РККА. Так, пункт анкеты «*Где проживал со времени большевизского переворота с точным указанием с какого и по какое время и чем занимался*» Срывалин заполнил следующим образом: «*В момент переворота находился в Николаевской военной академии, командирован под Псков, но уклонился и жил до конца июля в окрестностях Петрограда без определенных занятий. В августе 1918 г. бежал в Курск, где был арестован чрезвычайной комиссией. В сентябре выпущен, вернулся в Москву и поступил на учет как бывший офицер. До декабря месяца проживал в Москве*»²⁶.

Таким образом, в недавнем прошлом видный военспец изобразил себя перед белыми чуть ли не жертвой большевистского режима, скрыв реальные данные о своей активной службе в РККА, в том числе на ответственных постах, связанных с военной разведкой.

В следующем пункте анкеты «*Состоял ли на службе у большевиков, военной или гражданской, по мобилизации или добровольно, с какого и по какое время, како-*

го рода службу нес и какие должности занимал» читаем: «В декабре мобилизован и получил назначение млад[шим] помощником начальника связи Полевого штаба (бывший военный комиссариат) в Москве. Февраль и март болел. В конце мая командирован на фронт. Прибыл в Козлов с просрочкой и поступил в резерв штаба Южного фронта. Отсюда в июле (25 числа)²⁷ был отправлен на ст. Ворожбу в распоряжение Сумской группы войск. За эвакуацией последней направлен далее на ст. Конотоп. 3 августа (ст. стилия) бежал со ст. Ворожба и 4-го вышел на первый батальон 2-го офицерского генер[ала] Дроздовского полка»²⁸.

Обращает на себя внимание то, что основной орган оперативно-стратегического руководства Красной армией, Полевой штаб Реввоенсовета Республики, в этой анкете представлялся неким бывшим комиссариатом. Срывалин всячески старался создать у следователей впечатление, что оказался в РККА не по своей воле, служил на третьестепенных должностях или в резерве, болел или саботировал. В этом описании достоверной представляется только история его перехода к белым. Сомнения возникли, вероятно, и у комиссии, один из членов которой отметил напротив этого пункта: «Подтверждается до некоторой степени удостов[ерением] группы войск Сумск[ого] направления от 12 августа 1919 г. за № 2129»²⁹.

Следующим пунктом анкеты являлся вопрос о том, «почему до сих пор не вступил в Добровольческую армию, а оставался в районе, занятом большевиками». На этот вопрос Срывалин ответил, что его «задерживали семейные обстоятельства и устраивал подходящий случай для бегства»³⁰.

Находясь под следствием, перебежчик состоял в распоряжении дежурного генерала штаба Добровольческой армии и проживал в Харькове, в комнате 10 офицерского общежития на этапном пункте № 71.

19 августа (1 сентября) 1919 г. дело Срывалина было препровождено из Особой офицерской комиссии начальнику контрразведывательного отделения штаба Добровольческой армии³¹.

На допросе 24 августа (6 сентября) 1919 г. офицер показал, что «в момент переворота находился в Николаевской военной академии. Командирован 12 марта 1918 г. под Псков, но уклонился и жил до конца июля в окрестностях Петрограда без определенных занятий. Встречался постоянно с генералом Лечицким и Генер[ального] штаба полковником Малютиным. В августе 1918 г. бежал в Курск. 13 августа (нов[ого] ст[илия]) арестован там же чрезвычайной комиссией. В сентябре выпущен, вернулся в Москву и поступил на учет как бывший офицер. До 6-го декабря проживал в Москве. 7-го декабря (нов[ого] ст[илия]) мобилизован и получил назначение младшим помощником начальника связи (бывший военный комиссариат). Оставлен с частью связи (гараж) в Москве, так как самый штаб квартировал в Серпухове. Февраль и март болел (документы). В конце мая отправлен на фронт. Прибыл в Козлов с просрочкой и зачислен в резерв штаба Южного фронта.

Отсюда в июле (25 нов[ого] ст[илия]) был отправлен на ст. Ворожбу в распоряжение Сумской группы войск, за эвакуацией последней отправлен на ст. Конотоп. 3 августа бежал (нов[ый] ст[иль]). Добавить больше ничего не могу. Показание дал собственноручно»³².

Из таких показаний складывалось впечатление, что Срывалин в Красной армии работал чуть ли не в гараже. Путаница содержалась и в указаниях на стили летоисчисления. Так, в одном случае Срывалин свой побег датировал 3 августа старого стиля, а в другом — нового. В действительности речь шла о старом стиле, поскольку 16 августа датировано советское предписание Срывалину отправиться в распоряжение инспектора кавалерии 14-й армии для назначения на должность по усмотрению последнего³³. На допросах Срывалин отрицал активную службу в РККА и скрыл всю свою деятельность во главе советской агентурной разведки.

Показательна справка, составленная 24 августа (6 сентября) 1919 г. белыми контрразведчиками о том, что в списках контрразведывательного отделения Добровольческой армии о штабс-ротмистре Срывалине сведений не имелось³⁴. Следовательно, белые не владели информацией об одном из руководителей советской агентурной разведки. Впрочем, речь шла только о контрразведчиках штаба Добровольческой армии. Если бы белые знали о причастности Срывалина к руководству советской агентурной разведкой, допросы в целях получения секретной информации об агентуре, вне всяких сомнений, носили бы иной характер. Не исключено, что контрразведка ВСЮР информацией о службе Срывалина в РККА все же располагала, однако из материалов дела не следует, что различные контрразведывательные органы белых как-либо координировали свои действия. В целом же на удивление непрофессиональное расследование дела Срывалина, отсутствие проверки сообщенных им данных можно считать серьезной неудачей белых контрразведчиков, упустивших ценнейший источник информации.

В подтверждение своей невиновности Срывалин представил различные медицинские справки, начиная с 1914 г., когда он лечился от последствий контузии³⁵. Офицер страдал параличом левого лицевого нерва и слабостью левой руки, о чем свидетельствовали справки 1918–1919 гг. В частности, 17 марта 1919 г. ординатор 65-го сводного эвакуационного госпиталя С.Т. Татаринов выдал Срывалину удостоверение в том, что *«он страдает травматическим неврозом как следствием бывшей контузии в левую область шеи и ухо. Страдание выражается постоянными головными болями; тугоухостью слуха на левое ухо, болями и слабостью в левой руке. В феврале с. г. пользовался у меня от паралича левого лицевого нерва в продолжение месяца, явления паралича исчезли, остальные явления без улучшения, нуждается в специальном лечении и отдыхе»*³⁶. Наличие в деле перебежчика всех этих справок свидетельствует о том, что побег из Советской России был тщательно подготовлен и заранее спланирован, а чтобы избежать наказания за службу в РККА, перебежчик запасся всеми возможными документами, включая целую стопку медицинских справок.

28 августа (10 сентября) 1919 г. начальник контрразведывательного отделения отдела генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии направил дознание по делу Срывалина в Харьковскую судебную следственную

комиссию³⁷. 23 сентября (6 октября) комиссия рассмотрела дело и постановила его приостановить «до водворения законной власти в гор[оде] Москве»³⁸. Срывалин отправлялся в распоряжение дежурного генерала штаба Добровольческой армии для зачисления в одну из действующих частей. В качестве меры пресечения предписывалось организовать за ним надзор ближайшего начальства³⁹. Во внимание было принято то, что «большая часть военной службы штабс-ротмистра Срывалина у большевиков протекала в городе Москве»⁴⁰. По всей видимости, это считалось смягчающим обстоятельством, поскольку офицер не воевал против белых. Между тем работа квалифицированного специалиста в центральных штабах могла нанести белым существенно больший ущерб, чем участие в стычках на передовой.

Впоследствии дело оказалось в судебно-следственной комиссии при штабе главнокомандующего ВСЮР. В феврале 1920 г. дело по обвинению Срывалина в содействии Советской власти рассматривалось в станице Ильской комиссией под председательством генерал-майора К.В. Хартулари и при участии членов — подпоручиков Палатникова и Осташкевича и поручика Иваницкого. В постановлении комиссии были повторены прежние свидетельства перебежчика. Далее отмечалось: «Изложенное основано на объяснении штаб[с]-ротмистра Срывалина, отчасти подтверждаемом документальными данными.

Принимая во внимание:

- 1) что в объяснении штаб[с]-ротмистра Срывалина не усматривается отсутствия правдоподобности;
- 2) что на службу Советской власти штаб[с]-ротмистр Срывалин поступил по мобилизации;
- 3) что служба его, по роду ее, не могла оказать существенного содействия деятельности Советской власти;
- 4) что службу Советской власти штаб[с]-ротмистр Срывалин прекратил добровольно;
- 5) что в настоящем деле не усматривается данных для предъявления штаб[с]-ротмистру Срывалину обвинения, влекущего за собою наказание уголовное;
- 6) что преступное деяние штаб[с]-ротмистра Срывалина в силу амнистии, объявленной в приказе главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России от 14-го декабря 1919 года, подлежит прощению с восстановлением совершившего его во всех правах, не исключая прав на чин и звание, полученных им в старой Русской армии, а потому комиссия постановила: на основании означенного приказа главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России об амнистии дело о штаб[с]-ротмистре Владимире Андреевиче Срывалине, 30 лет, дальнейшим производством прекратить»⁴¹. Постановление и дело направлялись начальнику военного и морского судного отдела на усмотрение. Мера пресечения в виде надзора ближайшего начальства отменялась⁴².

Данных о службе Срывалина у белых обнаружить не удалось. По одной из версий, он эвакуировался вместе с белыми из Новороссийска, позднее оказался в лагере в Галлиполи⁴³. Более достоверным представляется иной

В.А. Срывалин.

маршрут. У потомков сохранились документы о том, что Срывалин отправился в Польшу, под Львов. Можно предположить, что речь шла о тех местах, где он провел детство. Поселился в районе Дубно в селе Листвин, в имении сестры однополчанина Елены Борисовны Ворониной. Е.Б. Воронина родилась в 1902 г. в Одессе, училась в Кременецкой женской С.В. Алексинской гимназии. Вскоре она стала супругой Срывалина. Этот период биографии офицера и обстоятельства его появления в Польше еще предстоит прояснить.

В 1924 г. Срывалины по политическим причинам уехали в Аргентину, где власти давали иммигрантам землю под обработку, и занялись выращиванием хлопка⁴⁴. После года пребывания в Аргентине семья переехала в Парагвай.

В ряде публикаций отмечалось, что Срывалин уехал в Парагвай только в 1931 г.⁴⁵, однако это не так. Среди бумаг генерала А.С. Лукомского удалось обнаружить письмо от проживавшего в Парагвае генерал-майора Н.Ф. Эрна. К письму прилагался список из сорока русских эмигрантов, проживавших в Парагвае в середине 1926 г. Основную массу составляли офицеры.

В этом списке указан и Срывалин, который тогда занимался сельским хозяйством⁴⁶. Именно генерал Эрн, знавший, по данным потомков, Срывалина по прежней службе, помог с переездом в Парагвай.

Еще в 1923 г. у Срывалина родилась дочь Наталия (впоследствии первая в Парагвае женщина-инженер Наталия Срывалин де Станишевски, владелица строительной фирмы «Наталия Срывалина и сыновья», умерла в 2013 г.). В 1928 г. родилась дочь Сусанна (Срывалин де Флорентин, стала юристом), а в 1931 г. сын Алексей (впоследствии — врач).

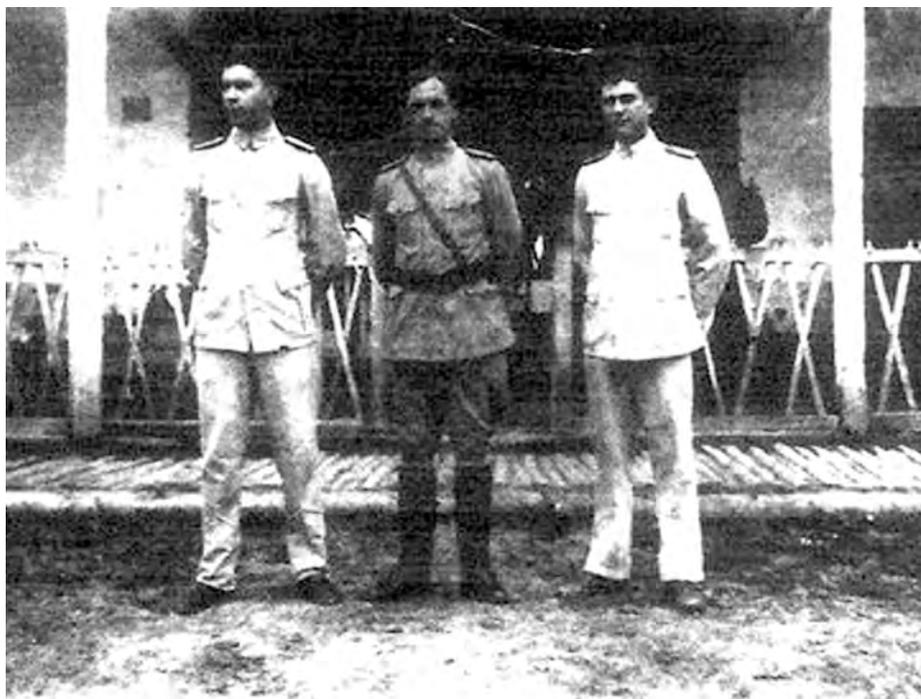
Русским эмигрантам в Парагвае первое время жилось непросто⁴⁷, не стали исключением и Срывалины. Несколько облегчала ситуацию поддержка друзей, оставшихся в Европе. В.А. Срывалин вел переписку с М.А. Давыдовым, перебравшимся во Францию из Польши и проживавшим в предместье Парижа Курбевуа. Давыдов пересылал Срывалиным на имя генерала Эрна некоторые средства, оставленные в Польше, что было сопряжено с большими трудностями.

С конца 1920-х гг. обострились отношения Парагвая с Боливией из-за области Чако, где предполагалось наличие запасов нефти. Эта конфронтация в итоге привела к Чакской войне (1932-1935) между двумя странами, ставшей

самым кровопролитным вооруженным конфликтом в Латинской Америке за весь XX век.

В связи с подготовкой к войне Срывалин в качестве военного техника поступил на службу в парагвайский Главный штаб, где оказались востребованы его профессиональные знания. С 1930 г. он руководил фортификационными работами в нескольких пунктах, в том числе укреплял форт Нанав. Бои за Нанаву в 1933 г. получили наименование «Вердена Чако», поскольку наступавшие боливийцы потеряли свыше 2000 человек против 149 погибших со стороны Парагвая. Это сражение привело к перелому в войне.

В январе 1933 г. Срывалин поступил на службу в парагвайскую армию, получив с учетом его стажа в русской армии чин капитана (*honoris causa*). Срывалина направили в город Байя Negro в распоряжение командующего Северным сектором полковника Хосе Хулиана Санчеса. Согласно боевому расписанию № 36 от 27 октября 1933 г. командующему Северным сектором подчинялся отряд капитана Срывалина в составе батальона саперов, эскадрона «Серро Кора», артиллерийской части, мортирной части и двух подразделений тяжелых пулеметов. Задачей отряда было *«защитить любой ценой форт Галпон и уничтожить силы, атакующие в треугольнике Галпон, Патриа, Аудивер»*⁴⁸.

Капитан В.А. Срывалин (в центре) с сослуживцами в период Чакской войны (1932–1935). Архив семьи Срывалиных. Фото публикуется впервые.

Командовавший Северным сектором полковник Николас Делгадо в 1933 г. свидетельствовал: «Защита укреплений Патриа и Галпон понемногу увеличивалась, собирая на эти позиции весь личный состав и доступный материал под командой кап[итана] Владимира Срывалина из Русской императорской армии, который с профессиональной способностью и патриотическим энтузиазмом сотрудничал с командованием сектора, защищая добровольно дело Парагвая с начала войны»⁴⁹. Любили Срывалина и подчиненные.

Материальное положение семьи первые восемь месяцев после ухода главы семейства в армию оказалось затруднительным. По воспоминаниям дочери, «кормились "в кредит" за счет испанки Матильды, державшей поблизости... продовольственную лавку»⁵⁰.

После войны, 11 октября 1936 г., за услуги, оказанные парагвайскому народу, Срывалину президентским указом было предоставлено парагвайское гражданство. Кроме того, тогда же он получил в качестве награды крест Чако со следующей формулировкой: «За самоотверженное, бескорыстное и добросовестное сотрудничество на службе обороны и национального дела на полях сражений во время войны с Боливией»⁵¹. В том же году Срывалина наградили крестом защитника.

После войны Срывалин командовал саперным батальоном, демобилизовался⁵². Работал по инженерной части, состоя окружным инженером в городе Вильяррика на юге страны⁵³. Затем получил должность руководителя уполномоченного секции мостов и дорог в департаменте дорожного строительства Министерства общественных работ, которую занимал на протяжении шести лет. Позднее руководил общественными работами в Пуэрто Пинаско, где прослужил до выхода на пенсию.

Срывалин скончался 10 апреля 1975 г. и похоронен на русском кладбище в Асунсьоне. По отзывам знавших его людей, это был скромный и религиозный человек с твердым характером, который умел преодолевать все трудности и любил Парагвай как свою вторую родину. В 1995 г. в воздаяние заслуг ветеранов Белого движения, участвовавших в войне Чако, Срывалин был награжден посмертно медалью «Honor al merito» («В честь заслуг»).

* * *

Судьба В.А. Срывалина чрезвычайно интересна. В силу обстоятельств он оказался на службе в Красной армии, где добросовестно трудился в качестве военного специалиста, принял участие в создании армии и в организации ее военной разведки на ответственных постах. Срывалин принимал активное участие в общественной деятельности своего выпуска ускоренных курсов 2-й очереди Военной академии, в том числе подписывал коллективные петиции в защиту арестованных военспецов. Подобная активность была воспринята представителями Особого отдела ВЧК как зародыш оппозиционной организации в органах военного управления, в результате чего многие выпускники курсов подверглись арестам. Аресты же, по всей видимости, по-

влекли ответную реакцию курсовиков — массовое дезертирство из Красной армии. Можно предположить, что это повлекло переход на сторону белых и самого Срывалина.

Побег был подготовлен заранее, о чем свидетельствует целый ряд медицинских справок в деле перебежчика, которыми Срывалин заблаговременно запасся и которые предоставил белым. У белых Срывалин успешно скрыл факты своей службы в руководстве советской военной разведки, представив документы, свидетельствующие о подорванном здоровье, дал показания о своем преследовании большевиками, о некоем аресте в Курске летом 1918 г. и едва ли не о вынужденной службе в Красной армии на малозначительных должностях. Сами белые не смогли обнаружить данных о том, что перед ними бывший руководитель агентурной разведки РККА, не распознав в перебежчике ценнейший источник информации о советской агентуре. Множество такого рода просчетов в конечном итоге привело белых к поражению в Гражданской войне.

Позднее Срывалин оказался в эмиграции, перебравшись в Польшу, а затем в далекий Парагвай, где оказались востребованы его военные познания. Наряду с другими русскими офицерами он проявил себя как военный профессионал в период Чакской войны между Боливией и Парагваем. За свой вклад в победу Парагвая Срывалин удостоился нескольких наград и получил парагвайское гражданство. В Парагвае офицер дожил до глубокой старости, но о своей службе в Красной армии старался не упоминать, сохранив в тайне подробности становления советской военной разведки и свою роль в ней.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17-81-01022 а(ц) «История Гражданской войны в России 1917-1922 гг. в документах офицеров русской армии». Выражаю глубокую благодарность правнучке В.А. Срывалина Т. Станишевски за любезно предоставленную возможность ознакомиться с документами семейного архива.

² Первую попытку реконструировать его перемещения в Гражданскую войну и судьбу по архивным документам см.: Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917-1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 346.

³ Можно предположить, что речь идет о городе Томашув-Любельский, расположенном недалеко от Дубно и Львова. В те края Срывалин уехал после Гражданской войны. Однако, по семейной легенде, родился в Перми.

⁴ В ряде документов указан также как ротмистр или капитан, что неверно.

⁵ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 22. Л. 7. Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 500.

⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 116об.

⁷ Подробнее об И.Г. Пехливанове см.: Ганин А.В. Болгарин, защитивший Россию: судьба Иордана Пехливанова // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 11. М., 2012. С. 255-336; Он же. Българинът защитил Русия. Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014.

⁸ РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

- ⁹ РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 36. Л. 35об.
- ¹⁰ РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 353. Л. 11об.
- ¹¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 148.
- ¹² Там же. Л. 162об.
- ¹³ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 189-197. Публикацию доклада см.: *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: статьи и документы. М., 2013. С. 598-611.
- ¹⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 194.
- ¹⁵ Подробнее см.: *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 33-64; *Он же.* «Старый Генштаб... по-прежнему крайне отрицательно относится к нам». Новые документы о борьбе выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии за свои права в Красной армии // *Петербургский исторический журнал (Санкт-Петербург)*. 2015. № 2 (06). С. 304-315.
- ¹⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 218. Публикацию документа см.: *Ганин А.В.* Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 129-130.
- ¹⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 79. Л. 35-36. Документ частично опубликован в: *Войтиков С.С., Кикнадзе В.Г.* Большевики против военспецов-разведчиков, или «Филиал белогвардейских разведок» в деле Г.И. Теодори. 1918—1921 гг. // *Военно-исторический журнал*. 2009. № 1. С. 33.
- ¹⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 220. Подробнее см.: *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 397-400.
- ¹⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 39; *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны. С. 643.
- ²⁰ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 84об.
- ²¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 39; Д. 1009. Л. 44, 47.
- ²² РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 386. Л. 182.
- ²³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 3; РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 39; РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 69. Л. 170.
- ²⁴ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 474. Л. 7, 9.
- ²⁵ Там же. Л. 4.
- ²⁶ Там же. Л. 5.
- ²⁷ В своих показаниях В.А. Срывалин указывал даты по старому стилю. Впрочем, эта дата, как следует из других показаний, якобы указана по новому стилю.
- ²⁸ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 474. Л. 50б.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Л. 2.
- ³² Там же. Л. 6-60б.
- ³³ Там же. Л. 13.
- ³⁴ Там же. Л. 3.
- ³⁵ Там же. Л. 8, 10, 11-11об., 12, 14-14об., 15.
- ³⁶ Там же. Л. 10.
- ³⁷ Там же. Л. 1.
- ³⁸ Там же. Л. 17об.
- ³⁹ Там же. Л. 16, 17об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 17.
- ⁴¹ Там же. Л. 20об.-21.
- ⁴² Там же. Л. 21об.
- ⁴³ *Мартынов Б.Ф.* Парагвайские встречи // *Латинская Америка*. 1995. № 9. С. 57.
- ⁴⁴ Там же.

- ⁴⁵ Там же. С. 58; *Балмасов С.С.* Русский штык на чужой войне. М., 2017. С. 588.
- ⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 126. Л. 276об.
- ⁴⁷ О русских эмигрантах в Парагвае см.: *Балмасов С.С.* Русский штык на чужой войне. С. 568-825.
- ⁴⁸ Материалы семейного архива Срывалиных.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Мартынов Б.Ф.* Парагвайские встречи. С. 58.
- ⁵¹ Материалы семейного архива Срывалиных.
- ⁵² По данным семьи, в чине майора (*honoris causa*), но документальных подтверждений этому пока обнаружить не удалось.
- ⁵³ *Стогов Н.Н.* Парагвай и русские офицеры // Часовой. 1936. № 176. 15.10. С. 14.

ГАНИН АНДРЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (andrey_ganin@mail.ru). Россия.